

Анатолий Андреевич Волков
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

Редактор *И. Т. Трофимов*
Художественный редактор *Б. М. Кисин*
Технический редактор *А. А. Пономарева*
Корректор *З. И. Почаева*

Сдано в набор 10/VI 1957 г. Подписано к печати 31/X 1957 г.
60×92¹/₂₆. Печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 19,51.

Тираж 35 000 экз. А-06561. Заказ № 456.

Учпедгиз, Москва, Чистые пруды, 6.
Типография „Красный Печатник“.
Ленинград, Московский проспект, 91.

Цена без переплета 3 р. 90 к.
Переплет коленкорový 1 р. 50 к.
Переплет ледериновый 2 р.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Творчество Горького 90-х годов	11
Горький на путях к революции и в годы первой русской революции	35
Горький между двумя революциями	59
Пролетарская поэзия	74
Демьян Бедный	87
А. С. Серафимович	107
Писатели критического реализма	142
В. В. Вересаев	159
А. И. Куприн	173
И. А. Бунин	188
А. Н. Толстой	204
Л. Н. Андреев	216
Литература буржуазного упадка	229
В. Я. Брюсов	266
Александр Блок	278
Дооктябрьское творчество В. В. Маяковского	295

А. А. ВОЛКОВ

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XX в.

*Учебное пособие
для вузов.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва • 1957

ВВЕДЕНИЕ

Исторические и социальные события, потрясавшие Россию с 90-х годов XIX века, события, увенчавшиеся Великой Октябрьской революцией, обусловили такое идейное содержание русской литературы, которое поставило ее впереди всех литератур мира. Передовая русская литература третьего периода освободительного движения явилась законной преемницей высоких идеалов свободы и гуманизма русской революционно-демократической и классической литературы XIX века. Но пролетарский период освободительной борьбы определил новое осмысление жизни передовой русской литературой конца XIX — начала XX века, способствовал возникновению глубоких и непосредственных связей между этой литературой и революцией, зреющей в недрах народа.

Уже русская прогрессивная литература XIX века наиболее полно по сравнению с любой другой литературой мира выражала революционные устремления народа, его ненависть к поработителям. Однако лишь на пролетарском этапе освободительной борьбы в России создались необходимые условия для расцвета социалистической литературы, кровно связанной с революционным движением, не только отражавшей чаяния народа, но и ставшей прямым соучастником его борьбы с буржуазно-крепостническим режимом.

Соединение научного социализма с рабочим движением, руководство большевистской партии этим движением — вот что определило идейную и художественную направленность передового течения в русской литературе конца XIX — начала XX века — социалистического реализма. Эти же историко-политические факторы оказали значительное влияние и на демократическую литературу того же периода, способствовали окончательному размежеванию передовой и реакционной мысли в общем литературном процессе.

В эпоху резкого обострения классовых противоречий, в период подготовки первой русской революции, взрыва 1905 года, столыпинской реакции и империалистической войны Россия уже являлась центром мирового революционного движения. Поэтому именно в России открывается новая страница идейно-художественной литературы.

ственного развития человечества, новая страница в истории русской и мировой литературы.

Вдохновляясь революционной борьбой народа и его авангарда — пролетариата, русская передовая литература все сильнее проникается идеями научного социализма, подлинно материалистическим пониманием жизни и собственной роли в утверждении новых социальных отношений. В этом идейном и философском возвышении русской литературы руководящая роль принадлежит большевистской партии и ее вождю Ленину.

В статье «Партийная организация и партийная литература» В. И. Ленин развеял миф, созданный буржуазно-декадентской эстетикой, о якобы независимом искусстве, об «искусстве для искусства». В. И. Ленин утверждал, что литература всегда зависит от той общественной формации, на почве которой она произросла, и что важнейшей задачей социалистической литературы является всемерная поддержка революционного обновления жизни. Ленин указывал, что литература должна стать могучим средством познания действительности, отобразить все величие и значение социальных сдвигов, происходящих в России, просвещать и вести за собой народные массы.

Ленин утверждал, что литература является особым видом идеологической деятельности человека, который нельзя отождествлять с другими формами партийной работы. «Спору нет, — писал Ленин, — литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству меньшинства над большинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большого простора личной инициативе, индивидуальным способностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию».

Таким образом, Ленин выступал против навязывания социалистической литературе каких-либо жестких принципов и схем. Но это отнюдь не значит, что Ленин признавал за писателем, художником право на формалистское искусство, искажающее жизнь. Ленинская теория партийности литературы и ленинская теория отражения указывают, что искусство только тогда создает прекрасные и неповторимые произведения, когда оно способно отразить основные закономерности объективного внешнего мира.

В революционную эпоху эти основные закономерности непосредственно вытекали из пролетарской борьбы. Знание этих закономерностей важнейшего исторического этапа в развитии русского общества и сообщало новые идейно-художественные особенности русскому реалистическому искусству, поднимало его на высшую этическую и эстетическую ступень. Этот новый и более совершенный метод познания и отражения жизни был назван впоследствии социалистическим реализмом.

И до того как соединение пролетарской борьбы с научным социализмом выдвинуло в литературе новый метод познания и отражения жизни, русское реалистическое искусство отражало

объективные закономерности жизни. Большие художники достигали этого умением глубоко проникать в сущность жизненных явлений, отделять главное от второстепенного, обобщать это главное в совершенных художественных образах.

Но на рубеже двух веков в России началась эпоха коренной социальной ломки. Главное, определяющее весь ход исторических событий и общественного развития — могучий размах пролетарской борьбы. Первая империалистическая война лишь ускорила ход этих событий. В России, которая стала средоточием революционной борьбы, резко и быстро обострялся антагонизм между капиталистическим производством и производительными силами, между молодым русским капитализмом и молодым рабочим классом.

Этот напряженный антагонизм должен был привести в конечном счете к пролетарской революции.

Догадки об этом решающем историческом факторе мелькали у некоторых реалистов младшего поколения. Мелькали, но не получали художественного решения, показывающего реальную расстановку сил, предвосхищающего дальнейшее развитие борьбы. Пример — «Молох» Куприна.

Если глубокие противоречия между дворянско-крепостническим укладом и жизнью крестьянства десятилетиями волновали умы русских реалистов, если они посвятили вдохновенные произведения жизни русского дворянства, крестьянства и нарождающейся буржуазии, то борьба пролетариата не стала темой их творчества. Их сознание, возвышаясь зачастую над интересами собственного класса, не могло еще перешагнуть за рамки буржуазных отношений, предвидеть возможность социального устройства на принципиально новых, исторически закономерных и научных основах. Они остановились перед той исторической чертой, которой являлась идея пролетарской революции. Идеи же общественного равенства, справедливости и свободы выливались у них в формы утопических мечтаний, а нередко и реакционного идеализма.

Именно поэтому Ленин, не ограничивая простора творческой фантазии и поэтической индивидуальности, требовал от партии такого планомерного руководства пролетарским искусством, которое открывало бы перед художниками пролетариата перспективу общественного развития, которое, не стесняя их индивидуальных особенностей, показывало бы им главное в сложное время коренных социальных сдвигов.

В ленинском учении о двух национальных культурах, демократической и реакционной, в работах Ленина о творчестве Льва Толстого, в его статье «Партийная организация и партийная литература», в его борьбе против «энциклопедии ренегатства» — «Вех», в его переписке с Горьким решались во всем их глубоком значении вопросы партийности и народности социалистической литературы. Непреходящую ценность для истории социалистиче-

ской литературы имеют письма гения революции Ленина величайшему художнику пролетариата М. Горькому.

Выйдя из народных «низов», испытав на себе гнет российской мещанской действительности, возненавидев звериный быт мещанства, Горький как художник формировался в годы подъема революционного движения. Личный жизненный опыт, борьба пролетариата и идейная близость Горького к партии большевиков требовали от него создания таких художественных произведений, в которых наряду с суровым обличением самодержавного строя и порожденных им уродств жизни широко бы раскрылась революционная перспектива преобразования действительности.

Наблюдая за ростом революционной энергии народа, опираясь на марксистскую эстетику, Горький создает произведения, в которых все полнее раскрывает деяние героя своего времени — пролетарского революционера, в которых все сильнее и громче звучит вера в близкую победу справедливых социальных отношений. Эта высокая, большевистская точка зрения, позволявшая Горькому оценивать действительность в ее революционном развитии, внести в свое творчество социальный оптимизм могильщика капитализма — пролетариата, позволила великому пролетарскому писателю заложить основы нового метода в литературе социалистического реализма.

Годы подготовки первой русской революции создали исключительно благоприятную обстановку для развития социалистической литературы. Именно в этот период завершался первый этап становления социалистического реализма, полнее вырисовывались идейные и художественные особенности литературы, формируемой борьбой пролетариата. Идейно-художественное качество этого сдвига становится особенно ясным, если сравнить характерно новое и уже принявшее определенные формы в творчестве Горького и Серафимовича, с одной стороны, и творчество даже наиболее передовых реалистов младшего поколения — с другой.

Трудно переоценить влияние Горького на демократическую дооктябрьскую литературу, значение его организационной деятельности по сплочению ее сил. В разной мере, в зависимости от исторических событий, а также социальной принадлежности и взглядов различных писателей, это влияние охватило широкие слои русской литературы. Его благотворное воздействие испытывали на себе и пролетарский писатель А. С. Серафимович, и писатели демократического лагеря Бунин, Куприн, Вересаев, и крупнейшие поэты символизма Блок и Брюсов. Лучшие произведения Л. Андреева, Айзмана и других писателей, перешедших после поражения революции 1905 года во враждебный лагерь, также носят на себе явные следы воздействия Горького. Многим обязаны Горькому крупнейшие революционные поэты В. Маяковский и Демьян Бедный.

Горький сумел оказать столь решающее влияние на передовую русскую литературу, стать основоположником литературы социа-

листического реализма потому, что свой большой жизненный опыт и свой огромный, самобытный талант он посвятил борьбе за народное счастье, потому что в этой борьбе он руководствовался учением Ленина, прислушивался к указаниям большевистской печати и критики.

Уже в начале 900-х годов, обходя цензурные рогатки, проявляя чудеса находчивости и смелости, начинает развиваться большевистская печать. Первоочередными задачами марксистских книг, журналов и газет было продолжение борьбы Плеханова и Ленина против разлагавшегося народничества, еще дезориентировавшего народные массы, и оппортунистического легального марксизма. А затем марксистским изданиям необходимо было начать жестокую схватку с буржуазно-декадентской печатью. В этих выступлениях марксистской печати Горький, Серафимович, Демьян Бедный и другие пролетарские писатели и поэты находили главное направление для своей творческой работы. В свою очередь марксистская печать в тесном контакте с Горьким и Демьяном Бедным стремилась спланировать и ковать кадры пролетарской литературы.

Марксистская революционная нелегальная и легальная печать, начиная с первых рабочих газет: «Петербургского рабочего листка», «Вперед», «Рабочей газеты», «Звезды», и кончая «Правдой», противостояла объединившемуся фронту буржуазной литературы.

В труднейших условиях цензурных преследований и политических репрессий, решая важнейшие общественные задачи, руководимая Лениным большевистская печать уделяла большое внимание социалистической литературе. Ленинская «Искра», «Правда» и «Звезда» способствовали выработке творческой и организационной программы действий.

Тяжелое положение, в котором находилась марксистская печать, заставила деятелей большевистской партии и пролетарских писателей выступать на страницах буржуазно-демократических изданий. Особенно широко использовал подобную возможность М. Горький. Его сотрудничество в журналах «Жизнь» и «Журнал для всех», организация им издательства «Знание» способствовали укреплению демократического направления в русской литературе, усиливали пропаганду передовых социальных идей.

В одном ряду с пролетарскими писателями и поэтами против буржуазно-декадентской антисоциальной идеологии боролись марксистские критики — Плеханов, Воровский, Луначарский и другие. Несмотря на отдельные ошибки, они очень много сделали для выявления мелочного-идеалистической концепции таких буржуазных литературоведов, как Иванов-Разумник, Овсянко-Куликовский, таких представителей оппортунистического направления в русской социал-демократии, как Кранихфельд, Львов-Рогачевский, Неведомский и другие. Пролетарские писатели и марксистские критики единым фронтом выступали против эстетики

декаданса, таких его «теоретиков» и пропагандистов, как Белый, Эллис, Айхенвальд и т. п.

Декадентская литература, особенно громко заявившая о себе после поражения революции 1905 года, рабское прислуживание царскому режиму значительной части писательской интеллигенции в годы столыпинской реакции, откровенные заявления в сборнике «Вехи» буржуазных интеллигентов о необходимости сбросить с себя бремя забот о народе, ультрашовинизм ряда писателей в период первой империалистической войны — все это непременно свидетельствовало о кризисе буржуазной мысли и морали. Но, основываясь на этих фактах, нельзя говорить об идейном кризисе в русской реалистической литературе на рубеже двух веков, ибо декаденты и ренегаты отнюдь не определяли главное направление в этой литературе.

На стыке двух столетий в русской литературе свершался важнейший процесс: передача свободолюбивых традиций и художественного опыта литературой критического реализма литературе реализма социалистического. В новых социально-исторических условиях происходило развитие и обогащение русской реалистической литературы. Борьба пролетариата внесла в эту литературу ясно осознанную идейную цель и дополнила ее эстетику новыми художественными принципами. В годы, когда Горький вступал в литературу, «властителями дум» русского общества были крупнейшие художники критического реализма — Л. Толстой, Чехов, Короленко, Мамин-Сибиряк и другие; они плодотворно работали и в начале 900-х годов. Именно эти великие писатели передали эстафету русской свободолюбивой реалистической литературы крупнейшему пролетарскому художнику М. Горькому.

В своих работах о Л. Н. Толстом В. И. Ленин, показав его величие как гениального художника и выразителя взглядов многомиллионного патриархального крестьянства, вскрыл реакционность толстовской проповеди «непротивления злу насилием». «Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, — писал В. И. Ленин, — выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»¹. Социалистическая литература почерпнула у великого представителя критического реализма глубокую правду жизнеописания различных классов русского общества, страстную силу его обличительства.

О личности Л. Толстого и его значении для русской литературы писал в своем великолепном очерке М. Горький. Пролетарский писатель много писал и говорил о том, какими вдохновляющими образцами были для него творения великих критических реалистов. Чехова он называл своим учителем с «младых ногтей». У Чехова Горький учился показывать, каким страшным злом

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

является застойная жизнь российского мещанства, как она калечит душу человека. Творчество Чехова было для Горького ярким примером того, что и в коротких рассказах о маленьких людях можно ставить большие общественные вопросы. Эту мысль пролетарский писатель неоднократно проводил в своих выступлениях против бескрылого натурализма.

Значительное влияние на развитие русской реалистической литературы оказал также большой и честный писатель В. Г. Короленко. Он был первым учителем Горького. Стремление Короленко к правде и красоте, его неистощимую любовь к народу, тревогу за судьбу русского крестьянства унаследовала литература социалистического реализма. Как и Чехов, Короленко противостоял мещанскому натурализму писателей-восьмидесятников. Горький очень высоко ценил лишенное народнической сусальности описание Короленко жизни русской деревни, его гражданское мужество.

Если Короленко обращал преимущественно свои взоры к деревне, то другой крупный русский реалист, Мамин-Сибиряк, оставил впечатляющие картины хищного хозяйничанья капиталистов на Урале, создания ими таких рабских условий труда, какими не всегда могла похвастать «отмененная» система крепостного права. Об остроте социального зрения Мамина-Сибиряка говорили В. И. Ленин и М. Горький.

Борясь за народность литературы, за ее высокое гуманистическое назначение, ее вольнолюбие, выступая против распада в искусстве, писатели критического реализма играли огромную роль в литературном процессе эпохи. Писатели-реалисты были детьми своего времени и завершали определенную эпоху в развитии русского реалистического искусства. И чем крупнее и самобытнее были их таланты, тем в более резкую оппозицию становились они по отношению к буржуазной действительности. Это в первую очередь относится к последним великим реалистам — Л. Н. Толстому и А. П. Чехову. Но и среди младшего поколения были крупные выдающиеся художники слова.

Творчество писателей младшего поколения не было столь мощным, полноводным и художественно совершенным, как творчество великих реалистов Л. Н. Толстого и Чехова. В их произведениях не было толстовской широты изображения жизни, но каждый из них воссоздавал какую-то сторону действительности, и так слагалась общая картина жизни русского общества в революционную эпоху.

В этой картине было движение, изменения, происходящие в ходе освободительной борьбы народа. Писатели-реалисты, группировавшиеся вокруг «Знания», вносили ценный вклад в освободительную борьбу, способствуя разрушению устоев самодержавия. В использовании их для целей революции немалая заслуга принадлежит Горькому.

Писатели-знаньевцы являлись передовым отрядом русской литературы в годы революционного подъема.

В годы подъема освободительной борьбы перед первой русской революцией писатели критического реализма тянулись к Горькому не только как к гениальному художнику.

Они увидели в нем вестника новых времен, глашатая жизни, которая шла на смену отживающим социальным отношениям. Но не у всех последних критических реалистов, испытавших сильное влияние Горького, написавших лучшие свои произведения в годы общения с пролетарским писателем, хватило силы порвать со своей средой, с буржуазным обществом.

Не сумев осмыслить все значение происходящих социальных сдвигов, многие из них не захотели безоговорочно стать на сторону пролетариата.

Однако работа этих писателей-реалистов, группировавшихся ряд лет вокруг горьковского «Знания», принесла немалую пользу освободительному движению и была прямым доказательством мощи передовых социальных идей.

Не менее ярким примером того, как в круг социалистического миропонимания вовлекались писатели, по своему социальному положению и эстетическим устремлениям вначале весьма далекие от борьбы пролетариата, является творческий путь талантливых поэтов символизма А. А. Блока и В. Я. Брюсова, а также идейное становление крупнейшего революционного поэта В. В. Маяковского.

ТВОРЧЕСТВО ГОРЬКОГО 90-х ГОДОВ

Годы детства, отрочества, юности, когда формируется характер, начинают складываться взгляды на жизнь, налагают серьезный отпечаток на весь дальнейший жизненный путь человека. И особенно значительным становится пережитое и перечувствованное в юности в случае, если человек с этих пор вынужден самостоятельно пробивать себе дорогу в жизни.

Жизнь Горького, пожалуй, наиболее впечатляющий и ценный пример в истории литературы (да и не только в ней) того, как врожденный талант в сочетании с упрямой волей и ненасытным стремлением к знаниям возносит человека из низов на вершину мировой славы. Горький с полным правом мог сказать о себе, что жизнь с юных лет стала для него большой школой, университетом широкого познания действительности.

Уже в возрасте девяти лет сын нижегородского столяра-краснодеревщика Алеша Пешков остался круглым сиротой. Попав в дом отца своей матери, нижегородского мещанина Каширина, человека недалекого и с крутым нравом, Алеша в детстве ощутил на себе тяжелую хватку мещанской «морали». Дни мальчика в доме самодура Каширина были заполнены деспотическими, дикими выходками старика, драками между его сыновьями и «внушениями» деда, после которых у мальчика ломило все тело. Единственным светлым лучом в этом «темном царстве» было отношение к внуку бабушки Акулины Ивановны, талантливой и доброй русской женщины, пытавшейся в меру сил скрасить печальное существование сироты. Светлому образу Акулины Ивановны Горький посвятил немало вдохновенных страниц, в которых он отмечал великолепный дар сказительницы-самородка, внушившей ему любовь к родному языку.

Учась в кунавинской приходской школе, мальчик вынужден был заниматься «отхожим промыслом» — собирать мусор и тряпье. С этой первой «работой» у Алеши Пешкова связаны мучительные воспоминания. Одноклассники Алеши жаловались начальству на дурной запах, якобы исходящий от маленького тряпичника, заявляли, что рядом с ним нельзя сидеть. «Помню, — вспоминал Горький, — как глубоко я был обижен такой жалобой

и как трудно было мне ходить в школу после нее. Жалоба была выдумана со зла: я очень усердно мылся каждое утро и никогда не приходил в школу в той одежде, в которой собирал тряпье».

Так будущий великий писатель очень рано познал несправедливость и социальное неравенство. А вскоре жизнь приготовила Алеше Пешкову еще более суровые испытания. Несмотря на то что мальчик зарабатывал себе на хлеб, деду казалось, что внук объедает его. Алеша Пешков был отдан «в люди». Наступили самые тяжелые годы в жизни мальчика.

Какие только профессии ни сменил подросток и юноша Пешков! Мальчик в обувном магазине, горничная, стряпуха, судомойка в доме чертежника Сергеева, где две сварливые женщины превратили его жизнь в ад, посудник на волжском пароходе, ученик в иконописной мастерской, десятник на стройке ярмарки, статист провинциального театра — таков неполный трудовой список молодого Пешкова. Для Горького — одного из самых трудолюбивых и трудоспособных людей своего времени — труд был в те годы проклятием, каким он был и для большинства подневольных людей. Однако тяжелый, противный его вкусам и стремлениям труд не только не сломил юношу, но и закалил его, выработал в нем ту собранность духа, то железное упорство в достижении цели, которые помогли ему преодолеть все жизненные трудности.

Книги были первыми наставниками Алеша Пешкова. В них он находил отважных и справедливых людей, столь непохожих на окружавших его мещан; со страниц книг перед ним вставала жизнь, полная смелых исканий, волнующей мечты о счастье. В них он находил ответы на многие вопросы, поставленные жизнью.

На своем жизненном пути юноша Пешков встречал не только плохих, но и разумных, добрых русских людей, которые укрепляли в нем тягу к книге, знанию. С глубокой любовью вспоминает Горький об одном из них — поваре Михаиле Акимовиче Смуром. В сундучке Смурого была целая библиотечка разнообразных книг; бульварные издания соседствовали в ней с классическими произведениями русской литературы. И с наивной верой в них все эти книги подросток Пешков читал внимательнейшему и растроганному слушателю — Смурому.

О какой-либо системе чтения не могло, конечно, быть и речи. Книги иностранных авторов «проглатывались» мальчиком с такой же жадностью, как и творения русских классиков. Герои романов «плаща и шпаги» привлекали мальчика своей безрассудной отвагой, вызовом, брошенным обществу, невероятными приключениями, из которых они неизменно выходили победителями. Эта выдуманная фантастическая и «красочная» жизнь уносила мальчика далеко от «свинцовых мерзостей» мещанских будней.

Но очень скоро Алеша Пешков разочаровывается в низкопробной бульварной литературе. Врожденные ум и вкус, пытливая

наблюдательность подсказывают ему, что в этих изданиях нет ни красоты, ни правды. А когда ему в руки попали произведения Пушкина, Гоголя, Толстого, Бальзака, Стендаля, Флобера, то перед ним открылся неведомый ему доселе мир глубоких и сильных переживаний, извечных стремлений человека к счастью и добру, мир высоких идеалов и низменных страстей. Познавая этот мир большой жизненной правды, юноша стал все лучше разбираться в окружающей его действительности, все сильнее росла в нем жажда знаний.

Попасть в университет — вот мечта, целиком овладевшая шестнадцатилетним юношей. И Алеша Пешков отправляется в Казань. Попасть в Казанский университет Алеше Пешкову не удастся, но все же в Казани для него начинается то познание жизни, которое он сам назвал «моими университетами». Ютась на пристанях среди босяков, принимаясь ради куска хлеба за любую работу, он не отчаивается и все так же целеустремленно ищет смысла жизни. В этих поисках Алеша Пешков попадает в бакалейную лавочку казанского мещанина Деренкова. Здесь юноша впервые узнал людей, у которых были иные цели, чем обеспечение сытой и «спокойной» жизни.

В конце 80-х годов в лавочке Деренкова собирались студенты-народники. Само народническое движение давно уже переживало глубокий кризис, а жизнь показала несостоятельность народнических теорий о мужике — «прирожденном социалисте», о крестьянской общине как основе социализма и об «особых» путях развития России. Молодежь, горячо спорившая у Деренкова, не понимала, что революционность народничества окончательно истощалась в 80-е годы. Не знала эта молодежь и того, что на арене истории появился уже подлинный авангард революции — пролетариат, оформлялась и крепла партия пролетариев.

Молодому Пешкову, еще недостаточно воспитанному политически, трудно было разобраться в общественно-социальной обстановке тех лет. Ему нравились искреннее волнение, горячность споров студентов-народников, ему казался значительным и важным их интерес к судьбам народа. А наряду с этим он, гораздо лучше знавший жизнь русского крестьянства, чем молодые народники, понимал, насколько они далеки от запросов и чаяний этого крестьянства, насколько они смутно представляют себе его бытие, характер.

Но великий университет — жизнь — направила будущего писателя по правильному пути. Работа в иконописной мастерской, у крендельщика Семенова, общение с рабочими других пекарен наглядно демонстрировали ему, что именно разделяет хозяев и рабочих, эксплуататоров и эксплуатируемых.

Работая подручным пекаря в булочной, организованной Андреем Деренковым, Пешков сближается с рабочими казанских фабрик. Он читает Маркса, Плеханова, встречается с марксистом Н. Федосеевым, сближается с революционером Ромасем и рабо-

тает с ним в селе Красновидове в обстановке постоянной опасности и ряда покушений со стороны кулаков.

После оседлой жизни в селе Красновидове и налаженной там революционной работы для Пешкова вновь наступает этап скитаний и смен различных профессий. Он трудится на Каспии в рыболовной артели, работает ночным сторожем и весовщиком на железной дороге и организывает рабочий кружок на станции Крутая. Здесь, на Крутой, начинается слежка жандармов за Пешковым. Вынужденный покинуть обжитое место, он вновь отправляется в путь, унося в котомке первые свои стихи и поэму в стихах и прозе «Песнь старого дуба», от которой у него в памяти осталась лишь одна фраза: «Я пришел в мир, чтобы не соглашаться...».

Поэма и стихи были весьма несовершенны и еще далеки от серьезной литературной деятельности будущего писателя. Обо всем этом ему, мягко по форме и сурово по существу, сказал В. Г. Короленко. Но то немногое, что помнит Горький о своих первых литературных опытах, свидетельствует о том, что в них уже был дух бунтарства, что в них поэт требовал от людей «подвигов для возрождения земли», «пропитанной слезами и кровью».

Этот дух протеста толкал молодого Пешкова к сближению с людьми, в которых он видел противников режима. Он дважды пытался встретиться с великим обличителем Л. Толстым. Вернувшись в 1889 году в Нижний Новгород, он поселяется на квартире вместе с поднадзорными Чекиным и Сомовым.

Предыдущая деятельность Пешкова, связи с «неблагонадежными» приводят его вскоре к аресту и заключению в Нижегородский тюремный замок. Но за отсутствием каких-либо доказательств противогосударственной деятельности Пешков был освобожден и отдан под негласный надзор полиции. С этого времени вслед за Пешковым, где бы он ни жил, куда бы ни направлялся, потянулось секретное наблюдение. А путь Пешков держал дальний: он пересек Донскую область, пошел по Херсонщине, прошел югом Бессарабии до Дуная, направился в Одессу, а затем в Тифлис, где должна была начаться его биография как писателя. Позднее Горький вспоминал о цели этих скитаний: «Хождение мое по Руси, — писал он, — было вызвано не стремлением к бродяжничеству, а желанием видеть, где я живу, что за народ вокруг меня».

В Грузии Пешков поступает на работу в железнодорожные мастерские и сближается с передовыми рабочими и интеллигентами. Он организует своего рода политический кружок, где читает лекции на общественно-политические темы. Там ведутся горячие споры по наиболее волнующим вопросам современности. О том, что эта работа не была изолированной, свидетельствуют письма Пешкова в Ростов-на-Дону, обнаруженные в жандармских архивах под рубрикой «Дела распространения преступных